

А.А. Пауткин (Москва, Россия)

Мирские мотивы в сочинении Тобольского митрополита Иоанна

Аннотация: Статья посвящена одному из наиболее плодовитых авторов Петровского времени – Иоанну Максимовичу, митрополиту Тобольскому, который совершил в 1711 г. вынужденное путешествие из Чернигова в столицу Сибири. Его огромное стихотворное произведение «Путник» сочетает в себе пространные богословские рассуждения и бытовые детали. Мирские мотивы и сюжеты занимают заметное место в этом тексте, усложняя вопрос о его жанровой принадлежности. Некоторые аспекты поэтики «Путника» предвосхищают художественные открытия поэзии второй половины XVIII в. Многообразие и переменчивость мира, барочная макароническая пестрота сочетаются с автобиографизмом, открывающим дорогу к «золотому веку» записок о частной жизни.

Ключевые слова: Петровская эпоха, Иоанн Максимович, «Путник», силлабика, барокко, травелог, мотив

A.A. Pautkin (Moscow, Russia)

Temporal Motives in the Composition of Metropolitan John of Tobolsk

Abstract: The article is devoted to one of the most prolific authors of the beginning of the 18th century – John Maximovich, Metropolitan of Tobolsk, who made a forced journey from Chernigov to the capital of Siberia in 1711. His huge poetic work “The Traveler” combines lengthy theological arguments and everyday details. Mundane motives and plots occupy a prominent place in this text, complicating the question of its genre affiliation. Some aspects of the poetics of the “Traveler” anticipate the artistic discoveries of poetry of the second half of the 18th century. The diversity and variability of the world, the baroque macaronic variety are combined with autobiography, which opens the way to the “golden age” of private life notes.

Key words: Peter’s Epoch, John Maksimovich, “The Traveler”, syllabics, baroque, travelogue, motif

В 1711 г. от Рождества Христова отправился в свое дальнее и многотрудное странствие архиепископ Черниговский и Новгород-Северский Иоанн Максимович, человек, соединивший в себе многие классические черты литератора эпохи барокко. Представитель духовенства, выходец из Малороссии, выпускник и преподаватель

Киево-Могилянской академии, будучи практически ровесником ближайших учеников Симеона Полоцкого, Максимович сформировался как школьный сочинитель конца XVII в. Оторванный волей обстоятельств от милой его сердцу Черниговщины, архиепископ в конце жизни оказался в западной Сибири, принеся в глубокую российскую провинцию литературные плоды барочной культуры, и прославился там как церковный устроитель на Тобольской митрополичьей кафедре.

Его путешествие в Западную Сибирь было вынужденным. По указу Петра I он должен был отправиться в далекий Тобольск. Шестидесятилетний иерарх не хотел покидать родную Малороссию, был раздосадован обрушившимся на него известием и даже пытался уклониться от непростой миссии. В Москве он рассчитывал получить аудиенцию у царя, уладить сложившуюся ситуацию. Однако это не удалось:

Лишен бысть сего дара, в скорби пребываю,
И печали безмерной слезы проливаю.

(1/2, 41)¹

Судя по этим и иным сетованиям, подчас весьма эмоциональным, можно предположить, что Иоанн отнюдь не безропотно воспринял неожиданный поворот судьбы:

Аз сих в уме не имех никогда помыслих,
Пребывати до смерти в Чернигове молих.

(1/2, 31)

Существуют различные версии скрытых причин назначения Максимовича в Тобольск. Есть основания расценивать случившееся как некую почетную ссылку, связанную с давней близостью Иоанна и его многочисленных родственников к мятежному гетману Мазепе². Молва же гласила, будто Максимович поссорился с А.Д. Меншиковым, предсказав ему еще более далекую ссылку. Петр же в эту пору отправился в Прутский поход, покинув Москву весной 1711 г.

Результатом осмысления пережитого в путешествии, богатом не только впечатлениями, но и всевозможными тяготами, а подчас и реальными опасностями, явилось удивительное сочинение, названное «Путник». За несколько бурных десятилетий, ознаменованных петровскими деяниями, появилось немало путевых записок, составленных людьми разных сословий. Среди них наиболее известны сочинения Петра Андреевича Толстого (1699), священника-старообрядца Иоанна Лукьянова (1701), торгового человека Матвея Нечаева (1722). Среди писателей-путешественников были и малороссы, земляки Максимовича – Ипполит Вишенский (1709) и Василий Григорович – Барский, странствовавший с 1724 г. более двадцати лет. Кстати, Вишенский, автор «Пелгримации», отправился на восток по благословению Иоанна Максимовича³.

На фоне этих разнообразных, как теперь принято говорить, травелогов «Путник» выглядит абсолютно уникальным явлением. Действительно, перед нами своеобразная модификация путевой литературы⁴, но однозначно отнести этот текст к

¹ Иоанн (Максимович), свт. «Путник» – автобиографическое сочинение святителя Иоанна (Максимовича) / Подг. к публ. А.Е. Жуков // Вестник церковной истории. 2012. № 1/2 (25/26). С. 5–115; № 3/4 (27/28) С. 53–130. Далее в статье ссылки на текст «Путника» приводятся по указанному изданию, в скобках даны номер журнала и страницы.

² См.: *Ольшевская Л.А., Травников С.Н.* Жизнь и путешествие Ипполита Вишенского // Пелгримация, или Путешественник Ипполита Вишенского. 1707–1709. М., 2019. С. 148–152.

³ См.: Пелгримация, или Путешественник Ипполита Вишенского. 1707–1709. С. 7.

⁴ *Шильникова Т.В.* «Путник» Иоанна Максимовича митрополита Тобольского как жанровая модификация путевой литературы XVIII в. // Дергачевские чтения-2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики: материалы XIII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). Екатеринбург: УрО РАН, 2019. С. 90–97.

поздним хождениям затруднительно. Огромное сочинение далеко не сводимо к передаче дорожных впечатлений. Оно полностью написано тринадцатисложным силлабическим стихом (отдельные вставки более коротких стихов). Перед терпеливым читателем разворачивается бесконечная череда мудреных лирических излияний автора, где причудливо уживаются богословские сентенции, библеизмы и молитвословия с бытовыми деталями, нравоописательными фрагментами в духе средневековой дидактики и описаниями дикой природы. В этом потоке двоестрочий, кажущемся подчас избыточным, соседствуют высокое и низкое, боговдохновенное и телесное. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников отмечали: «Человек петровского времени жил на пограничье эпох, между поздним Средневековьем и ранним Новым временем»¹. Созданный Максимовичем словесный ансамбль демонстрирует то, что, характеризуя литературный язык рубежа веков, И.П. Еремин назвал «типично барочной макаронической пестротой»². Ведь по словам Максимовича:

Мир сей, нами видимый, море есть широко,
Пространное до зела, всячески глубоко.
(1/2, 60)

На страницах «Путника» на удивление часто возникает гастрономическая тема. Пища телесная не просто упоминается, но подчас описывается со знанием дела. Похоже, Иоанн был гурманом, оказавшимся в ситуации серьезных лишений. Подобная поэтическая «откровенность» объясняется автобиографизмом произведения: «Но ме слово предлежит о себе писати» (1/2, 31).

После остановок в Троице-Сергиевом монастыре, Ростове и Ярославле путь иерарха и сопровождающих его лиц пролегал преимущественно по рекам (Волга, Кама, Чусовая и др.) Поэтому чаще иной снеди упоминается рыба (выловленная, приобретенная, дарованная местными жителями, заготовленная перед путешествием). Кроме того, отказ от мясоядения – древняя монашеская традиция, идущая еще от Антония Великого. Задача на протяжении месяцев пропитаться самому и обеспечить едой многочисленных служителей была далеко не простой. Иоанну приходилось следить за хозяйственными делами, чему способствовал предшествующий опыт настоятеля монастыря.

На Руси блюда из рыбы именовались тельными. По тексту Максимовича можно судить о былом ихтиологическом богатстве тогдашних российских пресных вод. Каких только речных обитателей не перечисляет в своем сочинении поэт-силлабист: «окунци, ерши и плотицы» (1/2, 94), осетры, караси, щуки, «рыбы свежие великие», «теша» и «белужинка» (1/2, 98). Это все о съестных припасах! Можно встретить и более интересные пассажи кулинарного порядка, включая описания самого процесса приготовления блюд. Автор признается:

Без рыбы не дерзнухом при трапезе сести.
(1/2, 61)

Вот некоторые примеры походного поваренного искусства в передаче Максимовича:

Черниговские окунце доселе держатся,
В борщику или зрижем, егда зготовятся?
(1/2, 78)

Украинские мотивы можно заметить и в следующем четверостишии:

¹ Ольшевская Л.А., Травников С.Н. Жизнь и путешествие Ипполита Вишенского. С. 243.

² Еремин И.П. Русская литература и ее язык на рубеже XVII–XVIII веков // Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С. 313.

И без тых вчерайшу щуку рослу имех,
Половлену сварили, тою доволне бых.
Толтко что без цибули, негде бо взяти,
Як Господь Бог подает, так будем пребывати.
(3/4, 81)

Тоскуя по родным местам, поэт вопрошает:
О Чернигов – Чернигов, кто даст в тебе жити?
(3/4, 68)

Воспоминания тоже могут принимать гастрономический оттенок. Противопоставляются былое изобилие и нынешняя скудость:

Щучку большую пресече на четыре части
А другую надвое, только бе нам сласти.
Всякому от нас ясти довольне свободно.
Борщ со белюжиною и со млеком тесто
На трапезе имети, пространно бе место.
Иных приспехов сласных не вспоминаю,
Милости Божией себе во всяк час ожидаю.
(3/4, 87–88)

Одним словом:

Древле речеся: «Человек не взирает пости,
Егда добре спостится, незметает кости».
(3/4, 61)

Конечно, до державинского поэтического натюрморта, где «с голубым пером там щука пестрая»¹, далеко. Максимович еще не приглашает читателя к обеду. И тем не менее его строки не лишены определенной красочности:

Кто что име: рыбку ли чеснок зелений,
Лучку мало или хлеб, аки убеленный.
(3/4, 61)

На этом фоне уже не удивляют каши «ячна и пшенна» (3/4, 61), «сухари пшеничны», «житный хлеб» (1/2, 96) и «грибки». А вот напитки в сочинении иерарха невольно привлекают внимание. Это пиво, меды, вино. Правда, в пути часто приходится «Место ренского вина водице вкушати» (1/2, 94).

В некоторых местах встречаются без должного гостеприимства:

Однако же предложу сие во извещение
Читающим, слышащим на утешение.
Хлеба, пива ни мало, медку не бывало,
Чарки водки не спрашуй, аще подобало.
(3/4, 100)

Понятно, что отношение автора к «винопийству» вполне традиционно и близко к описаниям этого порока в виршах Симеона Полоцкого («Вино», «Пиянство»). У нашего духовного писателя есть строки, посвященные разоблачению пьянства его спутников, неспособных даже взойти на судно после очередной остановки (1/2, 89–90). Эти стихи заставляют вспомнить виршу «Монах» Симеона Полоцкого с ее натуралистическими сценами последствий невоздержанности. У Максимовича нет обобщений и сатирического пафоса. Скорее, это простая констатация прискорбного факта, переходящая в дидактические излияния.

¹ Державин Г.Р. Соч. Л.: Художественная литература, 1987. С. 200.

Странствия Максимовича заняли много времени, точный хронометраж затруднителен. Но вспомним, что более чем за полвека до этого ссыльный Аввакум с семейством тащился до Тобольска тринадцать недель. Поэтому легко представить телесные страдания автора «Путника», пожилого человека, преодолевающего «пребедный сей путь». Лишения послужили причиной обострения старых недугов («ношах з собою во болезни мнозе»; 3/4, 101). В стенаниях повествователя слышны даже некие аввакумовские интонации:

Кто есть, о Христе Боже, яко мя помниши?
Немощи во мне сущей, аки бы не зриши:
Косноязычен, гугнив, весьма непотребен,
Являюся пред всеми аки преподобен.

(3/4, 69)

С одной стороны, в этих строках заметен традиционный для духовной книжности мотив авторского самоуничижения. Но ведь перед нами автобиографическое в своей основе сочинение, где естественны интимные подробности и признания. Телесные муки автора вполне конкретны – «язвы на ноге». Они заставляют его кричать «воплем тяжким велегласно» (3/4, 101). Элементы подобного снижения книжной манеры, присущей писаниям Максимовича, – еще одно свидетельство его принадлежности к барочной культуре. Пестрота и переменчивость окружающего мира, раскрепощенность мысли, поиск новых художественных решений, в том числе и в плане стиха, тяга к экспериментаторству в области формы – все это явственно продемонстрировано на страницах «Путника». Вспомним хотя бы своеобразный поэтический репортаж о нападении шайки разбойников и описание гибели одного из сопровождавших Иоанна монахов.

Как уже отмечалось, путь, описанный Иоанном, как и в древние времена, пролегал в основном по рекам. Ведь плавание все еще оставалось наиболее быстрым способом перемещения в пространстве. Протяженный отрезок этого пути, конечно, пролегал по Волге. Митрополит и сопровождавшие его лица плыли вниз по реке, делая различные остановки. Традиционное метафорическое плавание по житейскому морю, столь близкое не только Аввакуму, находит здесь реальное воплощение.

И хотя стихотворец странствует уже во втором десятилетии XVIII в., когда во всю ширь развернулась цивилизаторская деятельность Петра, тягот и опасностей его ожидало немало. И это не только пространства и стихии. Однажды уже на средней Волге пришлось столкнуться с лихими людьми. Дальнее путешествие и в XVIII столетии являлось целым приключением. А на необъятных волжских просторах было чего опасаться. Вспомним, что в низовьях Волги во второй половине XV в. потерпел крах торговый проект Афанасия Никитина. Максимовичу было уже двадцать лет, когда по этим местам гуляла вольница Степана Разина.

Вообще разбойники всех мастей по-разному представлены в литературе эпохи барокко. В качестве примера можно назвать описание реального нападения арабов на русских паломников близ Иерусалима, читающееся в Хождении Ивана Лукьянова, или щекочущий нервы массового читателя петровского времени сюжет о злодеяниях шайки, «разбивающей», как тогда говорили, корабли, в «Истории о российском матросе Василии Кориотском». В отличие от вирши Симона Полоцкого «Разбойник», где сосуществуют аллегоризм притчи, дидактика и стремление погрузить читателя в мир античности, у Максимовича рассказывается о вполне конкретном трагическом происшествии. Это по сути небольшая стихотворная повесть об одном памятном эпизоде, не выделенная композиционно из

потока двустиший с парной рифмовкой. Их А.А. Илюшин называл «простейшими строфами», которыми «изобилует русское стихотворство XVII в.»¹.

Интересующий нас фрагмент открывается вполне безмятежно:

Наутрее яхомся пути предлежаща,
Не видехом никого между нами спяща.
В молитвах пребыху, вси ины в работе,
Дивящесе на брегах различной красоте.

(1/2, 66)

Вдруг утренняя идиллия неожиданно нарушается тревожными криками. Ограблено плившее впереди судно. Судьба его обитателей вызывает всеобщий страх и даже панику:

Наипаче устрашиша нас люды обнаженны,
Прежде нас пловущи, до зела биенны.
Разбойники бо, емше, различне мучиша,
Ели живых з рук своих бедных отпустиша.

(1/2, 67)

Три судна, на которых располагались сподвижники Иоанна, растянулись по реке. Впереди оказался корабль с певчими:

Мы посреде, разбойники на брезе бяху,
Многочисленны зело, молчаше сидяху.

(1/2, 67)

Несмотря на то что «всякий там устрашися: богатый и убогий», нашлись смельчаки, в том числе «наипаче солдати», сопровождавшие духовенство, которые, сев в лодки, ринулись навстречу опасности. С ними поплыл и певчий по имени Федор. Увидев такую активность, разбойники ретировались. И все бы закончилось благополучно, но случилось непоправимое:

Орудия бо премного присовокупиша,
Ко стрелянию ины неискусны быша.

(1/2, 68)

Один из сидящих в лодке позади Федора «без умышления» «напрег пистоль, неискусен отнюдь стреляния» (1/2, 68). Раздался роковой выстрел. Никто не пострадал от разбойников –

Токмо един Федор, тяжце простреленный
В хребет мало поживе, вскоре умерщвленный.

(1/2, 68)

На этом завершается собственно рассказ о самом происшествии. Его продолжает своеобразный плач-характеристика нелепо погибшего Федора:

А нам печаль оставы, бе бо муж смиренный,
В обычаех и нравех з всеми умиранный.
Чительник преизрядный, громогласный певец,
В преписаниях между иных краснописец.
Лет тридесять не име, в здравии и силе,
По житие содержа в всяком добром деле.

(1/2, 68)

Неожиданная гибель монаха Федора становится поводом для раздумий о бренности жизни, неисповедимости земных путей. Различные дарования, молодость

¹ Илюшин А.А. Русское стихосложение. М., 1988. С. 120.

и энергия в один миг перечеркнуты выстрелом неумелого сподвижника. Вспомним, как протопоп Аввакум видит чудесное заступничество в том, что пищаль в руках разъяренного начальника «божиею волею» «не стрелила». В «Житии» символически трактуются бытовые происшествия и детали. У Максимовича трагическая случайность лишена каких бы то ни было традиционных объяснений. Это основание для лирических излияний автора. Они в чем-то предвосхищают звучание широко известной философской оды Г.Р. Державина. Только здесь поэт пускается в пространные рассуждения по поводу неожиданной смерти простого человека, а не могущественного сановника. Противоречивая переменчивость мира явлена благодаря целому спектру эмоций – от созерцательной умиротворенности, через тревогу, страх и печаль к надежде на благополучное завершение всего предприятия.

Рассуждая о превратностях человеческой судьбы, поэт замечает:

Судьбы и бездна многа и непостижима,
Ко понятию ума суть недомыслима.
(1/2, 67–68)

Ведь из текста «Путника» читатель узнает, что Федор был удачлив, не раз счастливо избегал смертельной опасности. Максимович, видимо опасавшийся водной стихии, подчеркивает примеры спасения Федора именно от утопления. Певчий не только сумел выплыть, оказавшись в беде, но, даже провалившись под лед вместе с конем, чудесным образом предстал «не оумерщвленный».

Перед судом подобает всем нам явиться,
Тамо прославится или посрамится.

(1/2, 69)

Блаженный Федор, ведущий жизнь доброго христианина, безгрешен перед лицом Бога, от «певчества земного» он водворился в хор «аггелский».

Завершая рассказ о потрясшем его и всех спутников происшествии, Иоанн, конечно, пускается в традиционные рассуждения о бренности бытия:

Готовы, не готовы, долженствуем вмерти.
Отнюдь не веми, когда сие прилучится,
Ли кто будет устрелен или погрузится,
О увы, бедный человек смерти не известен,
Не токмо в едином судне, в мире сем не вместен.

(1/2, 69)

Создатель «Путника» не раз подчеркивает, что никогда даже не помышлял покидать Чернигов. Все происходящее с ним – проявление Божественной воли, поэтому стихотворец просит:

Сотвори Ты со мною по Своей милости
И на сем путешествии не вдали благодати.

(1/2, 69)

Далее следует пространная молитва о заступничестве, даровании благополучного прибытия в град Тобольск.

Рассмотренный фрагмент, как это часто наблюдается в текстах, относящихся к переломной эпохе, содержит в себе черты нового видения мира и человека, уживающиеся с элементами былого литературного обычая.

В заключение отметим, не преувеличивая поэтических дарований Максимовича, что его «Путник» сделал скромный, но все же существенный шаг к новой российской словесности. Литературный эксперимент, явленный в этом титаническом

труде, знаков и поучителен. С одной стороны, сочинение, демонстрирующее постепенное освобождение от прежних традиционных форм и авторских стратегий, повергает читателя с его жанровыми ожиданиями в полную растерянность. А с другой – стихотворный автобиографический текст, помимо пространных богословских рассуждений наполненный конкретными, а подчас простодушными житейскими наблюдениями и эпизодами, подобно рассмотренному, – провозвестник наступающего «золотого века» записок о частной жизни. На смену динамичному вымышленному герою рубежа XVII–XVIII вв. в литературу приходит динамичный автор, способный заинтересовать читателя извивами собственной судьбы.

ЛИТЕРАТУРА

Державин Г.Р. Соч. Л.: Художественная литература, 1987. 504 с.

Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 328 с.

Илюшин А.А. Русское стихосложение. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.

Пелгримация, или Путешественник Ипполита Вишенского. 1707–1709 / Подгот. *С.Н. Травников, Л.А. Ольшевская*. М.: Наука. 2019. 439 с. (Литературные памятники).

«Путник» – автобиографическое сочинение святителя Иоанна (Максимовича) / Подг. к публ. А.Е. Жуков // Вестник церковной истории. 2012. № 1/2 (25/26). С. 5–115; №3/4 (27/28). С. 53–130.

Шильникова Т.В. «Путник» Иоанна Максимовича митрополита Тобольского как жанровая модификация путевой литературы XVIII в. // Держачевские чтения-2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики: материалы XIII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). Екатеринбург: УрО РАН. 2019. С. 90–97.

REFERENCES

Derzhavin G.R. (1987) Works. Leningrad. Khudozhestvennaja Literatura Publ. 504 p.

Eremin I.P. (1987) Lectures and Articles on the History of Ancient Russian literature. Leningrad. Leningrad State University Press. 328 p.

Ilyushin A.A. (1988) Russian Versification. Moscow. Vysshchaya Shkola Publ. 168 p.

Pelgrimage, or the Traveler of Hippolytus Vishensky. 1707–1709 / Prepared by S.N. Travnikov, L.A. Olshevskaya. Moscow. Nauka Publ. 2019. 439 p. (Literary Monuments).

“The Traveler” is an Autobiographical Work of St. John (Maximovich) / Prep. to the publ. A.E. Zhukov. *Bulletin of Church History*. 2012. No 1/2 (25/26), pp. 5–115; No 3/4 (27/28), pp. 53–130.

Shilnikova T.V. “The Traveler” by John Maximovich Metropolitan of Tobolsk as a Genre Modification of Travel Literature of the 18th century // Dergachevsky Readings-2018. Literature of regions in the light of geo- and ethno-poetics: Proceedings of the 18th All-Russian Scientific Conference (Ekaterinburg, October 18–19, 2018). Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019, pp. 90–97.

Сведения об авторе:

Алексей Аркадьевич Пауткин,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
apautkin@yandex.ru